

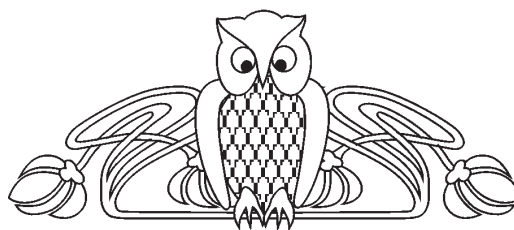

УДК 821.161.1.09-22+929 Шеллер-Михайлов

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ В ЖУРНАЛЕ «РУССКОЕ СЛОВО»

И. А. Книгин

Саратовский государственный университет
E-mail: igor.knigin2012@yandex.ru

В статье подчеркивается значение работы в «Русском слове» в формировании творческой индивидуальности, мировоззренческих, духовно-нравственных и эстетических понятий писателя, находившегося в 1860-е гг. в центре журнально-литературных событий и занимавшего ответственные редакторские посты.

Ключевые слова: Шеллер-Михайлов, «Русское слово», журналистика, редактор, цензура, шестидесятые годы, литературная деятельность.

A. K. Sheller-Mikhailov in the Journal *Russkoye Slovo* (The Russian Word)

I. A. Knigin

The article emphasizes how the participation in *Russkoye Slovo* impacted the writer's creative personality, mindset, spiritual and moral as well as aesthetic notions being formed. The writer was in the center of the literary events of the 1860s and he held responsible posts at the editorial board.

Key words: Sheller-Mikhailov, *Russkoye Slovo* (The Russian Word), journalism, editor, censorship, the 1860s, literary activity.

В многогранной, на редкость плодотворной и при этом слишком неоднозначной литературной деятельности Александра Константиновича Шеллера-Михайлова (1838–1900) шестидесятые годы по праву можно назвать самыми удачливыми и яркими, несмотря на то что интенсивность его труда не уменьшалась и впоследствии, а по объему созданного значительно превосходит первое десятилетие творчества. В это время его сочинения можно было встретить не только в «Современнике», «Русском слове», «Деле» и «Женском вестнике», но и на страницах «Осы», «Якоря», «Будильника», «Искры», «Недели», «Современного обозрения».

А. К. Шеллер-Михайлов, безусловно, никогда не был «рядовым» отечественной литературы и журналистики второй половины XIX столетия, хотя и «...вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России»¹. Необходимо заметить, что сам он относил себя к неглавным участникам литературной жизни, неприятно, но внятно и веско определив свое место и миссию следующим образом: «Моя роль – роль второстепенного

литературного деятеля, делающего по мере сил и разума свое дело. Я никогда не огорчился, как бы ни ценили размеры моего таланта; но я всегда стремился к тому, чтобы меня не могли упрекнуть за то, что я потакал дурным инстинктам, пробуждал злые чувства, или менял свои взгляды и убеждения, и с этой стороны меня едва ли могут упрекать даже те, кому вовсе не симпатична моя деятельность. По моему убеждению, к этому – и только к этому – должен стремиться каждый второстепенный литературный деятель, так как единственно в этом и состоит его сила и значение. Не краснеть в старости ни за одну страницу – вот высшее благо подобных деятелей»². Писателю, действительно, ни разу не приходилось стыдиться или смущаться собственного творчества. «Написано им очень много и все написанное проникнуто чистой и честной тенденцией. Это – гражданское нравовучение, которое всегда будет действовать на непосредственные, юношеские натуры»³, – утверждал видный русский публицист, литературный критик и историк литературы Н. А. Энгельгардт.

Без упоминания имени А. К. Шеллера-Михайлова – романиста, поэта, переводчика, публициста и редактора-издателя – не обходится, по сути, ни одна из академических и учебных историй русской литературы и журналистики. Всеми без исключения признается его крупный вклад в становление социально значимого, а потому, несомненно, тенденциозного направления в литературе 1860-х гг., оказавшего внушительное воздействие на формирование и воспитание целого поколения читателей из числа разночинной молодежи, увлеченной новыми демократическими идеями, ориентированными не столько на разрушение, сколько на обновление и переустройство существующего миропорядка. При этом убежденный шестидесятник, всегда гордившийся кровной принадлежностью к одному из ярчайших движений российской умственной жизни, выступал против воинствующих партий, против насильственного изменения общественного строя, против прямолинейного радикализма и лихорадочного нигилизма.

Уже современники уверенно констатировали: «При чтении отчетов провинциальных библиотек поражает факт популярности сочинений А. К. Михайлова. Его романы читаются положительно больше, чем романы любого русского писателя,

не исключая Тургенева, гр. Л. Н. Толстого, Гончарова, Писемского... А. Михайлов – любимый писатель русской молодежи; по его произведениям впервые знакомится она с жизнью и готовится к ней»⁴. В причинах популярности писателя спустя некоторое время после его ухода из жизни пытался разобраться С. А. Венгеров: «Задавшись прославлением “новых людей”, провозвестников писаревского реализма и протестантов всякого рода, Шеллер делал из них настоящее собрание всевозможных добродетелей и высоких качеств. “Новый человек” Шеллера и необыкновенно умен, и массу знает, и находчив, и красноречив, и физической силою обладает, и красив вдобавок, так что, конечно, без труда пленяет сердца “рвущихся к свету” “новых” женщин. Несмотря на наивно-элементарную прогрессивность, а, пожалуй, именно вследствие элементарности этой всем доступной прогрессивности, Шеллер имел огромное и безусловно благотворное влияние на широкие слои публики»⁵.

Еще в студенческие годы писатель сделал первую достаточно удачную попытку вступления на журналистское поприще. Его литературная работа началась в 1858 г., когда в юмористическом еженедельнике «Весельчак, журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных и иных», возглавляемом известным книгоиздателем А. А. Плюшаром, были напечатаны стихотворения «Практичный человек» (№ 48–49) и «Пред новым годом» (№ 52), а также рассказ «Бабушка и внук» (№ 50–51), подписанные псевдонимом «Релеш»⁶. В 1859 г. Шеллер продолжил печататься в еженедельнике как автор фельетонов «Мои беседы», выходявших за подписью «А. Релеш». В них он «чрезвычайно остроумно» рассказывал «о происхождении тогдашнего литературного наводнения бессодержательными произведениями; об особенной любви пишущей братии к скандальным сюжетам и воспроизведению живых людей из личной местности...<...> Не менее остроумны “беседы” А. Релеша о падении искусств <...> и об упадке критики <...> он вполне находился в курсе животрепещущих вопросов и был совершенно подготовлен к их разрешению»⁷.

Тем не менее, сам писатель началом литературной деятельности считал поэтический дебют в некрасовском «Современнике», который состоялся благодаря его школьному товарищу Андрею Михайлову, отославшему в журнал стихотворения Шеллера под своей фамилией. За подписью «А. Мих-лов» в № 10 за 1863 г. появилось «Четыре стихотворения», еще несколько стихотворений было напечатано в № 12 за 1863 и в № 1 и 2 за 1864, остальные произведения в «Современнике» публиковались под псевдоним «А. Михайлов», который Шеллер сохранил за собой навсегда, чаще всего подписывая этим именем не только художественные, но и публицистические выступления. Во второй и третьей книжках журнала за 1864 г. он напечатал свой первый роман «Гнилые

болота. История без героя» (отдельное издание – СПб., 1867; 2-е издание – СПб., 1870), который был замечен критикой. Спустя десять лет в «Деле» П. Н. Ткачев писал: «Маленькая “история без героя” <...> выкладывала перед читателями все мирозерцание его автора сполна; последующие его романы ничего в этом отношении не прибавили и не убавили. Едва ли когда-нибудь публика скорее и непосредственнее ознакомлялась с общим характером воззрений начинающего беллетриста, чем она ознакомилась с воззрениями г. Михайлова»⁸. В 1865 г. «Современник» опубликовал следующий роман молодого писателя «Жизнь Щупова, его родных и знакомых. Автобиография» (№ 2, 3, 6, 7, 8), который Д. И. Писарев в статье «Посмотрим!», напечатанной в том же году в девятой книжке «Русского слова», назвал «превосходным»⁹. Оба романа, проникнутые автобиографическим характером, сразу же принесли начинающему беллетристу широкую известность среди демократической интеллигенции.

На протяжении сорока лет энергично и плодотворно занимаясь самой разнообразной литературной работой, А. К. Шеллер-Михайлов всегда находился в гуще журнально-литературных событий, занимая ответственные редакторские посты. Начало же его многосторонней, насыщенной и разноплановой редакторской деятельности, не прерываемой практически до последних дней, пришлось на исход 1865 г., когда по приглашению Г. Е. Благовестлова он встал во главе иностранного отдела переживавшего самые тяжкие времена в своей истории журнала «Русское слово». Между прочим, в типографии «Русского слова» в 1866 г. была напечатана и самая первая книга Шеллера – «Жизнь Щупова, его родных и знакомых».

Впервые же в издании близкой позиции, постоянно открыто ориентированном на «начинающего читателя» (по определению Н. В. Шелгунова), на юное поколение, имя писателя появилось в 1865 г. в восьмой книжке журнала. За подписью «А. Михайлов» здесь увидели свет стихотворение «Песня» («Началась ты, жизнь...») и рассказ «Сила, слабость и неразумие (Из рассказов на Рождество)». В сентябрьском номере публикация, условно говоря, поэтического и прозаического циклов продолжилась: были напечатаны еще две сознательно и отчетливо ориентированные на кольцовскую традицию «Песни» («Градом рожь подкошена...») и «Как бы жить – не тужить...») и два «Из рассказов на Рождество» – «Желчь» и «Vanitas vanitatum et omnia vanitas!». Впоследствии, неоднократно переиздавая эти три рассказа, Шеллер-Михайлов отказался от объединяющего их в журнальной публикации подзаголовка. В ноябрьском номере «Русского слова» под тем же псевдонимом были помещены стихотворения «Развязка» («И сил во мне еще осталось много...») и «В глуши» («Я убежал в свой дом убогой...»).

Отдел второй декабрьской книжки журнала открывался шеллеровской статьей «Кто виноват?

(По поводу романа того же названия)», подписанной на этот раз именем автора. Статья положила начало довольно немногочисленным, в сравнении с другими публикациями, литературно-критическим выступлениям писателя. В этом критико-публицистическом материале он, размышляя об относительно недавнем прошлом отечественной прозы, о «лучших литературных деятелях последней половины сороковых годов», сформулировал основные эстетические и нравственно-воспитательные требования к современной литературе, а также открыто продемонстрировал признательную любовь к опальным, а потому ни разу не названным по именам авторам романов «Кто виноват?» и «Что делать?». Об отношении к последнему весомо свидетельствует и любопытная деталь, о которой упоминает в своем мемуарно-биографическом очерке А. И. Фаресов: «У меня имеется портрет Н. Г. Чернышевского, подаренный мне А. К. Шеллером, с собственноручной на нем надписью последнего:

Самоотверженный и честный наш боец,
Он весь принадлежал к иному поколенью,
Которое пробить успело, наконец,
Народу русскому пути к освобожденью.

Конечно, «пути к освобожденью» пробились исключительно литературными идеями «шестидесятников», к которым несомненно принадлежал и сам Шеллер»¹⁰.

Отказываясь от подробного анализа романа А. И. Герцена и отсылая читателя в этой связи к статье В. Г. Белинского, критик предупреждал: «Моя заметка написана с целью высказать и те мысли, на которые наводит это искреннее произведение, и то глубокое сочувствие, которое оно вызывает»¹¹. Шеллер не подвергал сомнению высокие художественные достоинства романа и подчеркивал его непреходящее общественное значение: «Истинная художественность, как ее понимают реалисты, состоит именно в <...> неподкупном отношении романиста к его героям, и она-то доставит роману историческое значение: его будут читать (как читают «семейную хронику» Аксакова), когда описанная в нем жизнь будет смутным преданьем; теперь же он имеет для нас значение современности, так как его действующие лица еще далеко не отжили своего века»¹². Размышляя о судьбах людей сороковых годов и характеризуя европейские события последующих времен с позиций «нового» человека, сформированного годами шестидесятыми, испытываемого воздействием философско-политических, экономических и исторических идей французов П. Ж. Прудона и Л. Блана, британца Г. Т. Бокля, немца Ф. Лассаля, писатель утвердился в безотраднo-неутешительном убеждении о всеобщей утрате лучших общественных идеалов: «Всякая эксплуатация человека человеком гадка по своей безнравственности и еще хуже по своим последствиям с точки зрения чистого утилитаризма, этой религии, проклинаемой явно, проповедуемой тайно и совсем не понимаемой в ее сущности эксплуататорами. Эксплуатация ведет эксплуатируемого к развращению, к стремлению избежать по возможности труда или исполнить его кое-как, а эксплуататора к нерасчетливой, непроизводительной трате нажитых без работ и усилий денег! Ко всем этим выводам, хотя и не во всей их полноте и ясности, можно было прийти, читая лучшие произведения иностранных и русских беллетристов и публицистов той эпохи, когда написан роман «Кто виноват?» <...> Многие из людей сороковых годов поют совсем не то, что пели прежде, а нечто такое скверное, о чем прежде они сами отзывались с омерзением»¹³. В заключительной части статьи Шеллер затронул животрепещущую проблему «отцов и детей», выступив в защиту последних от нападок, как он выразился, «взбаламученных романистов», прежде всего, прямо апеллируя к роману В. П. Ключникова (Клюшников) «Марево» (1864) и имея в виду широко обсуждавшийся роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863). Касаясь проблемы воспитания подрастающего поколения, автор заметок «по поводу» главную причину жестокосердия и нравственного уродства «испорченного ребенка» обнаруживал в окружающей среде и завершил статью вопросом, вынесенным в заглавие герценовского произведения: «Талантливо и честно высказанное слово правды будит людей и заставляет их взглянуть на свои ошибки, а под вашу песню станет ли общество хоть немного лучше воспитывать своих детей или, поверив, что люди рождаются негодьями, нигилистами, махнет рукой и опять бросит детей без присмотра, чтобы через десяток лет снова начать проклинать их неповиновение, их – может быть, действительно сумасбродные – поступки, и этой вечной враждой тормозить всякое развитие и отравлять и без того нашу невеселую жизнь?.. Отвернитесь, читатель, от всех этих людей... Однако, кто же виноват?»¹⁴

Сотрудничество Шеллера с «Русским словом» совпало со временем жесточенных цензурных преследований журнала, которому 20 декабря 1865 г. было объявлено первое предостережение за публикации, содержащиеся в октябрьской книжке, 8 января 1866 г. – второе предупреждение за статьи Д. И. Писарева и Н. В. Шелгунова в ноябрьском номере. Третье предостережение последовало 16 февраля, о чем на следующий день сообщила правительственная газета «Северная почта», где публиковались полные тексты большинства административных взысканий за 1865–1868 гг.: «Принимая во внимание: что в журнале «Русское слово» (№ 12 за 1865 и № 1 за 1866 г.) роман «Воспоминания пролетария» (стр. 47, 48, 52, 69, 70, 74, 78, 79, 81, 84, 88 и 107) заключает в себе рассказ о перевороте, происшедшем в 1848 году в Париже, направленный к оправданию революционных движений народных масс; статьи: «Производительные силы Европы» (стр. 244, 249 и 262), «Засо-

ренные дороги” А. Михайлова (стр. 3 и 4), “Перед рассветом” Н. Благовещенского (стр. 102 и 113) и “Библиографический листок” (стр. 15, 16 и 19) включают в себе враждебное сопоставление неимущественных классов общества с собственниками и распространение социалистических понятий; а статья “Честные мошенники” Н. Шелгунова (стр. 8 и 9) придает воровству значение труда и свойства неизбежных последствий нынешних условий гражданского быта общества; что в означенных статьях продолжает обнаруживаться вредное направление помянутого журнала, подлежащее действию административных взысканий по силе ст. II Именного Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 6 день апреля 1865 г. и вызвавшее уже два предостережения, – министр внутренних дел на основании ст. 29, 31 и 33 Высочайше утвержденного 6 апреля 1865 г. Мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати определил: объявить *третье предостережение* журналу «Русское слово» в лице издателя кандидата прав Григория Благовещенского и редактора, окончившего курс в С.-Петербургской духовной семинарии, Николая Благовещенского и *приостановить* продолжение означенного повременного издания *на пять месяцев*»¹⁵.

Первый номер «Русского слова» за 1866 г., ставший последним в истории журнала, открывался публикацией за подписью «А. Михайлов» повести «Засоренные дороги», и было обещано ее «продолжение в следующей книжке». Примечательно, что та же повесть демонстративно оказалась включенной и в первый номер нового журнала «Дело», разосланного подписчикам в октябре 1866 г. Это не прошло незамеченным цензурой: «По рассмотрении в Совете Главного Управления по делам печати статей журнала “Дело” (№ 1) оказалось, что на самом видном месте книги находится повесть “Засоренные дороги”, пять первых глав которой буквально перепечатаны, даже с прежним заглавием повести, но за исключением двух мест в одной, из “Русского слова” (№ 1 за 1866 г.)»¹⁶. В уже известной читателю первой главе «Засоренных дорог» при перепечатке в «Деле» были удалены осуждающие размышления по поводу беспринципных и нравственно развращенных выходцев из богатых семей, оканчивающих университет и на правах хозяев вступающих в новую жизнь, и восторженные слова, посвященные деятельным беднякам-труженикам, благодаря полученным университетским знаниям через лишения и невзгоды стремящимся к поставленной цели и к осуществлению идеалов молодости: «O alma mater! счастлив тот, кто мог во дни цветущей юности, покинув все дорогое сердцу, пройти сотни верст пешком, вытерпев голод и холод, приютиться под твоим крылом и всецело отдаться тебе. Жалки те, которые не считали тебя матерью, без боли в сердце и без слез на глазах расставались с твоими детьми, с своими братьями.

Это те холодные, юные старцы-богачи, в которых с детства задушили, как что-то позорное, все порывы, все страсти, все обаяние молодости. Они пришли к тебе не из любви к свободолюбивой, протестующей против пошлости жизни науке, но потому, что без лоскутка бумаги, носящей название диплома, неловко вступить в их глупый свет, вспоенный, вскормленный, спеленатый этими лоскутками дипломов. Они считали тебя, мать свободы, алчною торговкою ученых вывесок! <...> Тяжело, кажется, ничего не осталось от прошлого, – но если кто-нибудь из вас, живые братья, крикнет: помогите! – его голос не замрет в пустыне и отзовется на него вся старая семья, в черствых людях воскреснут старые бедняки-студенты. Вот что заменяло нам ваши фрячки, рысаков, любовниц, вот за что мы любили тебя, старая, бедная жизнь!»¹⁷ К пяти главам, перепечатанным из «Русского слова», в «Деле» было добавлено еще пять, и, что любопытно, снова объявленного «продолжения в следующей книжке» не последовало, потому что повесть опять «обратила на себя внимание Главного управления по делам печати и была признана, несмотря на смягчение некоторых резкостей, предосудительной, как трактующая о “заедании мужицкого хлеба” господствующими классами»¹⁸.

Только в 1868 г. Шеллеру удалось выпустить с другим жанровым обозначением – «роман» – отдельное издание произведения, на которое откликнулся М. Е. Салтыков-Щедрин¹⁹. Его язвительно-пародийная рецензия на «Засоренные дороги» определила общий тон последующих высказываний о шеллеровском творчестве как самого сатирика, так и его сторонников и единомышленников. Впрочем, по замечанию Л. М. Розенблюм, Салтыков-Щедрин, «как об этом свидетельствуют три рецензии на романы Шеллера разных лет <...> внимательно следил за творческой эволюцией писателя, видя в ней яркую иллюстрацию несостоятельности утилитарной эстетики, которую отстаивал журнал “Дело”. Критические отклики Салтыкова на романы Шеллера (Михайлова) были частью общей полемики “Отечественных записок” с “Делом” по вопросам эстетики. По мнению Салтыкова, противопоставляя чистую тенденциозность глубокому знанию жизни, подлинной художественности, теории и беллетристики из журнала “Дело” чрезвычайно суживают возможности литературы, обрекая ее на поверхностное, “разговорное негодование”, на “махание картонным мечом”, на примитивность и однообразие»²⁰. На страницах «Вестника Европы» о книге в целом одобрительно отозвался М. М. Стасюлевич: «Автор романа “Засоренные дороги”, бесспорно, утилитарист. В этом романе проповедуется труд как основание человеческого достоинства, как единственное условие освобождения женщины, и в пример обществу выведен человек, который жертвует и собою, и своею любовью к женщине – необходимости труда в

пользу от него зависящих и высокому призванию проводника в обществе здравых идей. Роман изобилует поучениями, которые излагаются в форме иногда удачной, иногда в несколько сыром виде. Одним словом, это роман положительно утилитарный, честный по цели, согретый искренностью, наконец, написанный не без таланта»²¹. В дальнейшем писатель включал «Засоренные дороги» в шеститомное Собрание сочинений и Полное собрание сочинений в 15 томах. Закономерно произведение вошло и в посмертное Полное собрание его сочинений в 16 томах под редакцией А. М. Скабичевского.

По прекращении «Русского слова» с сентября 1866 по январь 1868 г. вместе с Н. А. Благовещенским Шеллер являлся фактическим редактором журнала «Женский вестник» (всего было выпущено десять номеров), взяв на себя руководство иностранным отделом. Здесь, наряду со стихотворениями и рецензиями, печатался роман «В чаду глубоких соображений. Дюжинная история с дюжинными героями» (книга первая «В большом доме» – 1866, № 1, 4, 1867, № 5, 6; книга вторая «На службе обществу» – 1967, № 9), который ни отдельной книгой, ни в составе собраний сочинений в дальнейшем не издавался. Начавшаяся в первом номере журнала публикация романа (были напечатаны три главы) вызвала, как и следовало ожидать, цензурные нарекания, потому что выход новых изданий – «Дела» и «Женского вестника» – воспринимался властными структурами как чуть ли не открытое наследование основной идейной направленности «Русского слова». Прерванное «по независящим обстоятельствам», как указывалось в объявлениях о выпуске третьей книжки журнала, печатание продолжилось лишь после того, как были исправлены в соответствии с требованиями цензуры другие главы. В «Женском вестнике» (1867, № 8 и 9) также увидело свет начало увлекательно написанного популярного биографического очерка Шеллера «Жан-Жак Руссо». Вскоре после закрытия журнала писатель в числе других бывших сотрудников «Русского слова» сосредоточился на работе в журнале «Дело», в котором возглавлял сначала иностранный, а затем беллетристический отделы, вплоть до конца 1878 г. заведовал общей редакцией и напечатал большинство собственных сочинений, созданных в этот период.

Дальнейшая редакторская судьба его была связана с журналом «Живописное обозрение» и газетой «Сын Отечества». Написанные в самых разных жанрах произведения Шеллера появлялись на страницах «Пчелы» и «Света», «Русского богатства» и «Наблюдателя», «Русской мысли» и «Северного вестника», «Игрушечки» и «Русской школы», а также других печатных органов, выходили отдельными изданиями. В семидесятые и девяностые годы увидели свет два его Собрания сочинений, в 6 и 15 томах соответственно. Шеллера знали и помнили в широких читательских кру-

гах, однако в сознании большинства он оставался одним из лидеров беллетристов-шестидесятников. «Культурно-социологический анализ условий потребления искусства в эпоху шестидесятых годов, – отмечает Н. З. Коковина, – опирающийся на изучение каналов информации, тиражей книг, адреса издательств, количества переизданий за определенный отрезок времени, в частотности обращения к творчеству писателя критики, массового читателя, позволяет раскрыть причины “читательского бума” произведений Шеллера»²². Именно 1860-е гг. стали определяющими в формировании как творческой индивидуальности писателя, так и его мировоззренческих, духовно-нравственных и эстетических представлений, верность которым он пытался и старался хранить на протяжении всей жизни.

Примечания

- ¹ *Прозоров В.* Шеллер // Русские писатели. XIX век : биобиблиогр. словарь : в 2 ч. Ч. 2. М–Я / под ред. П. Николаева. 2-е изд., дораб. М., 1996. С. 418.
- ² *Фаресов А.* Александр Константинович Шеллер. Биография и мои о нем воспоминания. (С двумя портретами). СПб., 1901. С. 19.
- ³ *Энгельгардт Н.* История русской литературы XIX столетия : 2 т. СПб., 1902–1903. Т. 2. 1850–1900 (Критика, роман, поэзия и драма). С. 240.
- ⁴ *Краснов Пл.* Чуткий писатель // Труд. 1894. № 9. С. 688.
- ⁵ *Венгеров С.* Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 106.
- ⁶ Подробную характеристику «Весельчака» см.: *Ямпольский И.* Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. С. 4–14, 123–125. Примечательно, что исследователь включает Шеллера-Михайлова в список «главных сотрудников» журнала (С. 8).
- ⁷ *Фаресов А.* Указ. соч. С. 14–15.
- ⁸ *Ткачев П.* Тенденциозный роман (Собрание сочинений А. Михайлова. СПб. 1873 г.) // Ткачев П. Н. Избр. соч. на социально-политические темы : в 4 т. М., 1932. Т. 2. 1869–1873. С. 378.
- ⁹ *Писарев Д.* Соч. : в 4 т. М., 1956. Т. 3. Статьи. 1864–1865. С. 494.
- ¹⁰ *Фаресов А.* Указ. соч. С. 144.
- ¹¹ *Шеллер А.* Кто виноват? (По поводу романа того же названия) // Русское слово. 1865. № 12. Отд. II. С. 5.
- ¹² Там же. С. 6.
- ¹³ Там же. С. 12–13.
- ¹⁴ Там же. С. 15.
- ¹⁵ Цит. по: Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий : справоч. изд. СПб., 2011. С. 65.
- ¹⁶ Цит. по: *Коковина Н. А. К.* Шеллер-Михайлов в демократических изданиях 60–70-х гг. XIX в. // Филологические науки. 1983. № 4. С. 75.
- ¹⁷ Русское слово. 1866. № 1. С. 3. Примечательно, что это фрагмент не включался ни в одно из последующих изданий повести.

- ¹⁸ Есин Б. Демократический журнал «Дело» (1866–1884). М., 2008. С. 79.
- ¹⁹ См.: Б.п. <М. Е. Салтыков-Щедрин>. Засоренные дороги и С квартиры на квартиру. Роман и рассказ соч. А. Михайлова. СПб. Изд. В. Е. Генкеля. 1865 <1868> г. // Отеч. записки. 1868. № 9. Отд. II. С. 46–52.
- ²⁰ Салтыков-Щедрин М. Собр. соч. : в 20 т. М., 1965–1977. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883). 1970. С. 543.
- ²¹ Стасюлевич М. Засоренные дороги и С квартиру на квартиру. Роман и рассказ А. Михайлова. СПб. Изд. В. Е. Генкеля. 1868. Стр. 383 // Вестн. Европы. 1868. № 6. С. 896–897.
- ²² Коковина Н. Книга А. К. Шеллера-Михайлова в демократической среде 60–70-х годов XIX века // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга – Петрограда – Ленинграда : сб. науч. тр. Л., 1984. С. 22.

УДК 821.161.1.09-22+929 [Андреев+Соколов+Стечкин]

ТВОРЧЕСТВО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В ОЦЕНКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

А. С. Сергеев

Саратовский государственный университет
E-mail: lorandesai@yandex.ru

В статье рассмотрены позиции Н. М. Соколова и Н. Я. Стечкина – ведущих литературных критиков «Русского вестника» в 1902–1906-х гг. – на творчество и место в читательском сознании Леонида Андреева, показывается, насколько зависимы были критические оценки от освещаемых в творчестве писателя тем.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, «Русский вестник», литературная критика, Н. М. Соколов, Н. Я. Стечкин, «Мысль», «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех».

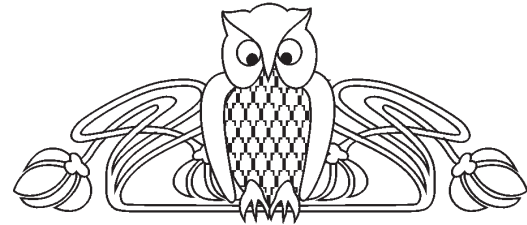
Leonid Andreev's Oeuvre in the Evaluation of *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin)

A. S. Sergeev

The article considers the attitudes of N. M. Sokolov and N. Ya. Stechkin – the leading critics of the journal *Russkiy Vestnik* in 1902–1906 – to the oeuvre of Leonid Andreev and to its place in the readers' minds. The article shows to what extent the critical evaluations depended on the topics unfolded in the author's works.

Key words: L. N. Andreev, *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin), literary criticism, N. V. Sokolov, N. Ya. Stechkin, «Thought», «The Life of Vasilij of Thebes», «Red Laughter».

Рост славы Л. Н. Андреева был стремительным. Достаточно сравнить две дневниковые записи, сделанные А. С. Сувориным 6 февраля 1902 г. и 25 ноября 1903 г. В первой указано: «У Леонида Андреева, беллетриста, был обыск»¹, во второй Суворин цитирует речь В. А. Тихонова, известного под псевдонимом Мордвин: «У меня будут Горький, Андреев и другие известные писатели»². Как можно заметить, за полтора года Андреев успевае пройти путь от просто «беллетриста» до «известного писателя». Однако главный редактор «Нового времени» был не единственным представителем консервативного лагеря, обращавшим внимание на молодого автора. Немало страниц творчеству Леонида Андреева уделили критики «Русского вестника» Н. М. Соколов³ и Н. Я. Стечкин⁴, публиковавшие свои материалы, как правило,

под псевдонимами Н. Скиф и Н. Я. Стародум соответственно.

Впервые читателей «Русского вестника» с Андреевым знакомит Соколов, обозревая в восьмом номере за 1902 г. рассказ «Мысль», которому целиком была посвящена статья «Литературного обозрения». На тот момент Андреев уже успевае прославиться за счет скандальной «Бездны», на примере которой спустя два года Н. Я. Стечкин аттестует писателя как человека «с несомненными признаками дарования, которое он всячески порочит, употребляя его на изображение гнуснейшей порнографии, не вытекающей даже из первоначальной задачи повествования»⁵. Любопытно, что Стечкин не называет произведение, хотя пересказ его содержания не оставляет сомнений, о каком рассказе идет речь.

Однако литературная репутация Андреева к тому моменту, когда выходит статья Н. М. Соколова, еще не сложилась. Вероятно, по этой причине оценки критика в сравнении с теми, которые будет позже давать Н. Я. Стечкин, гораздо более спокойные. Несмотря на то что у Андреева уже вышла скандальная «Бездна», а сам писатель подвергся обыску, можно предположить, что Соколов еще не был хорошо знаком с этими фактами, а потому мог принять писателя если и не за «своего», то, во всяком случае, за человека, который критически воспринимает современную интеллигенцию. Поэтому он пишет, что «ответ на этот вопрос (все ли можно? – А. С.) г. Андреев дает в духе старых добрых традиций русской литературы, т. е. в духе тех самых старых великих мастеров в области русского художественного слова, которые не в скороспелых и недолговечных последних книжках, переведенных “с иностранного”, но в своей личной жизни и в своей собственной совести искали решения жгучих и тревожных вопросов современной жизни и действительности»⁶. Именно анализ главного героя – доктора Антона Керженцева – как фигуры, в которой «отразился